

у  
с-71  
2 штемп.  
накл.

Н. Сперанскій.

37(06)  
№ 15887/80  
ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ А. Д. ШАЛЯВСКАГО

# ВОЗНИКНОВЕНІЕ

Московского Городского Народного

## УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ А. Д. ШАЛЯВСКАГО.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

15887

Р. С. Ф. С. Р.  
БИБЛИОТЕКА  
Народного университета  
по просвѣщенію.

МОСКВА  
Городская Типографія.  
1913.

У  
С 71

374.6 (09) (47.37)  
15887/80  
Н. Сперанский.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

## ВОЗНИКНОВЕНИЕ

Московского Городского Народного

# УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ А. Л. ШАЛЯВСКАГО.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.



МОСКВА  
Городская Типография.  
1913.

2 экз.

ИСТОРИЧЕСКАЯ  
ФАБРИКА

15887 W.K.M.



*A. Ulanov*

Истекшій 1912—1913 академическій годъ является крупной гранью въ исторіи Московскаго Городскаго Университета. Скромно вступала въ жизнь эта высшая школа пять лѣтъ тому назадъ. У нея не было никакого помѣщенія, которое она могла бы назвать своимъ. Она даже нигдѣ не «квартировала»: она ютилась различными своими органами при самыхъ разнородныхъ учрежденіяхъ. Собранія Попечительнаго Совѣта происходили въ Думѣ, если не на квартирѣ кого-либо изъ членовъ. Правленіе съ канцеляріей имѣли въ распоряженіи двѣ маленькія комнатки, оставшіяся случайно свободными у Управленія городскими желѣзными дорогами. Учебныя занятія велись, главнымъ образомъ, въ рекреационныхъ залахъ одного изъ начальныхъ городскихъ училищъ: вечеромъ эти залы поспѣшно обращались въ аудиторіи или даже иногда въ лабораторіи съ тѣмъ, чтобы къ утру явиться снова очищенными для бѣготни дѣтей. Скромны были и размѣры дѣятельности Университета: 11 преподавателей, неполныхъ четыре сотни слушателей—такъ начался первый семестръ 1908—1909 ак. года.

Со слѣдующаго года Университетъ обставился уже лучше: на Волхонкѣ въ бывшемъ «Голицынскомъ Дворцѣ», не безъ труда приспособленномъ къ учебнымъ нуждамъ, онъ себѣ создалъ болѣе прочную осѣдность. Кончилась страда преподавателей естественныхъ наукъ, которые по праву вспоминаютъ какъ героическій періодъ время, когда они должны были вести требующія сложныхъ опытовъ занятія въ помѣщеніи, предоставлявшемся имъ каждый разъ только на нѣсколько часовъ. Получилась возможность начать собираніе университетской библіотеки. Но Университетъ все же оста-

вался широко раскиданнымъ по пространству огромной московской территоріи. Для лекцій по общественнымъ наукамъ пришлось сохранить «кустарную» обстановку Домниковскаго начальнаго училища. Курсы по химіи читались въ Политехническомъ Музеѣ. Практическія работы по этому предмету велись въ любезно предоставленныхъ Университету лабораторіяхъ Александровскаго Коммерческаго Училища и Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ. Кромѣ того, отдѣльная физическая лабораторія для спеціалистовъ возникла позже въ Мертвомъ переулкѣ. Открытое въ 1909 году научно-популярное отдѣленіе приютилось въ одномъ изъ городскихъ училищъ на Миусской площади. Такъ прожилъ молодой Университетъ еще три года, испытывая немалыя стѣсненія, но не переставая развивать и вширь и вглубь свое преподаваніе.

Прошлой осенью въ существованіи Университета начался новый фазисъ. Закончился періодъ *Wanderjahre*—срокъ искуса, когда приходилось жить по чужимъ людямъ. Университетъ сталъ полноправнымъ гражданиномъ въ кругу аналогичныхъ учреждений. Разбросанныя раньше его части собрались почти всѣ подъ собственной кровлей, гдѣ каждая наука находить необходимыя условія для того, чтобы ея преподаваніе могло быть поставлено дѣйствительно по-университетски. И съ удовлетвореніемъ оглядывается Университетъ на этотъ первый годъ, проведенный имъ у себя дома въ величавомъ зданіи, которымъ украсилась Миусская площадь. До 130 преподавателей и ассистентовъ работало въ его стѣнахъ надъ учебнымъ дѣломъ; среди нихъ было немало обладателей именъ, извѣстныхъ всей Россіи и даже всему міру. Общее число слушателей (считая посѣтителей научно-популярныхъ и спеціальныхъ курсовъ) достигло небывалой раньше цифры—3.669. На нѣкоторые изъ спеціальныхъ курсовъ слушатели съѣзжались со всѣхъ концовъ Россіи—иные по особой командировкѣ отъ соответственныхъ общественныхъ учреждений. Свѣтлой надеждой наполняетъ этотъ годъ совершеннолѣтія Городскаго Университета его руководителей; но мысль ихъ при этомъ невольно обращается и назадъ—къ волненіямъ и трудамъ, которыхъ стоило его созданіе.

А между тѣмъ даже въ кругу друзей Университета исторія его возникновенія и личность основателя мало кому обстоятельно знакомы. Имя А. Л. Шанявскаго извѣстно и популярно теперь въ самыхъ глухихъ углахъ Россіи; но его образъ представляется лишь въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ,—какъ будто бы онъ былъ просто добрый человѣкъ, давшій большія средства на благое дѣло. Естественно поэтому въ столь знаменательный для Университета годъ позаботиться о пополненіи этого пробѣла и свести въ общую картину то, что лишь отрывочно появлялось ранѣе въ печати, начавши съ біографіи основателя Городскаго Университета.

## I.

Альфонсъ Леоновичъ Шанявскій родился 9 февраля 1837 г. въ Сѣдлецкой губ. въ родовомъ имѣніи Шанявы. Но въ Польшѣ онъ провелъ лишь ранніе годы дѣтства. Одной изъ мѣръ, при помощи которыхъ императоръ Николай I хотѣлъ скрѣпить связь между Польшей и Россіей, былъ, какъ извѣстно, своего рода рекрутскій наборъ мальчиковъ изъ польскихъ дворянскихъ семей для воспитанія ихъ во внутренней Россіи. Такъ въ февралѣ 1846 года девятилѣтній А. Шанявскій оказался въ Тулѣ воспитанникомъ Кадетскаго Корпуса для малолѣтнихъ. Стоитъ, однако, упомянуть, что Тульскій Корпусъ былъ не первой школой, гдѣ онъ учился. Еще на родинѣ А. Л. поступилъ было въ маленькую коллегію,—всего на 10 мѣствъ,—которую учредилъ одинъ изъ его предковъ, архіепископъ Шанявскій, спеціально для мальчиковъ изъ семействъ, образующихъ родъ Шанявскихъ. Коллегія не успѣла, конечно, оставить на духовномъ образѣ недолговременнаго ея питомца никакой печати. Но самый фактъ ея существованія—тотъ способъ, какимъ заботился ея создатель объ участи потомковъ—едва-ли могъ пройти въ душѣ А. Л. безслѣдно. Уже семейныя традиціи способны были predispose его къ тому культу образованія, которому онъ такъ горячо отдался въ сознательные годы.

Въ Тулѣ, по счастью, маленькому А. Л. жилось не плохо. Очень способный, прилежный и миловидный мальчикъ скоро

талъ въ Корпусѣ обшимъ любимцемъ и самъ—какъ онъ говаривалъ потомъ—тамъ уже многое полюбилъ въ русскихъ людяхъ. По окончаніи курса для малолѣтнихъ А. Л. былъ переведенъ въ Орловскій Корпусъ, откуда черезъ два года онъ перешелъ въ Петербургъ, въ Дворянскій полкъ—теперешнее Константиновское училище. Окончивъ его первымъ ученикомъ, А. Л. вышелъ офицеромъ въ гвардію, въ Егерскій полкъ. Въ награду за успѣхи А. Л. получилъ отъ училища серебряный кубокъ. Но—вспоминалъ А. Л.—недолго онъ у меня берегся: онъ былъ сейчасъ же пущенъ въ оборотъ, чтобы пополнить нехватку въ деньгахъ на новую обмундировку. Приводимъ этотъ небольшой житейскій эпизодъ, чтобы служба А. Л. въ гвардіи не вызвала шаблонныхъ представленій о «гвардейскомъ блескѣ»: имъ не блестялъ и не хотѣлъ блестятъ А. Л., выросшій въ скромныхъ обстоятельствахъ и сохранившій до конца жизни очень скромныя привычки. Ставъ офицеромъ, А. Л. продолжалъ свое образованіе въ Академіи Генеральнаго Штаба, которую окончилъ тоже первымъ, съ занесеніемъ его имени на мраморную доску, 9 мая 1861 года.

Многознаменательная дата. Время ученья А. Л. въ Петербургѣ пришлось, такимъ образомъ, на лучшую пору, какую когда-либо видѣла Россія. Горькій урокъ Крымской кампаніи былъ понятъ, и Россія вступила на путь коренного внутренняго обновленія. Во всѣхъ областяхъ жизни готовились великія реформы, начиная съ самой глубокой—съ освобожденія русскаго крестьянства. На новые устои переходилъ тогда и старый мрачный Николаевскій военный строй: надъ крѣпостною арміею тоже занялась заря свободы. Въ военномъ вѣдомствѣ открылась Милютинская эра, ознаменованная торжествомъ гуманности и уваженія къ образованію. Рухнула прежняя стѣна, наглухо отдѣлявшая военныя и гражданскія учебныя заведенія. На университетскихъ скамьяхъ стали виднѣться офицерскіе мундиры, и университетскіе профессора читали дополнительные курсы въ стѣнахъ Военной Академіи. Новое поколѣніе образованной военной молодежи вмѣстѣ со всей русской интеллигенціей увлекалось и дѣломъ просвѣщенія народной массы, работая съ увлеченіемъ въ

воскресныхъ школахъ. Всѣмъ этимъ и А. Л. былъ глубоко захваченъ. Чтобы охарактеризовать его въ этомъ отношеніи, довольно указать, что его дарилъ особеннымъ вниманіемъ самъ гр. Д. А. Милютинъ. А юный 24-лѣтній офицеръ, съ своей стороны, былъ проникнутъ къ Д. А. Милютину чувствомъ горячей преданности и глубочайшаго почтенія, которому не измѣнилъ до самой смерти. Сюда, въ эту эпоху, когда съ народной массы снимались вѣковыя путы и создавались органы самоуправления, истинными своими корнями и уходить, несомнѣнно, дѣло созданія А. Л. Шанявскимъ въ Москвѣ перваго русскаго свободнаго университета. Вѣра въ общественную самодѣятельность и самопомощь; вѣра въ творческое могущество человѣческаго разума, воплощеннаго въ наукѣ; признаніе за каждымъ человѣкомъ права стремиться къ полученію образованія во всей той мѣрѣ, въ какой онъ только способенъ его усвоить,—это Credo основателя Московскаго Городскаго Университета исповѣдывалось всѣми передовыми людьми изъ поколѣнія, начавшаго свою жизненную работу въ полные свѣта шестидесятые года.

Но раньше, чѣмъ у А. Л. могъ явиться хотя бы намекъ на мысль о будущемъ его созданіи, ему пришлось пройти нелегкую дорогу. Блестящія способности въ соединеніи съ желѣзнымъ трудолюбіемъ настолько выдвинули въ Академіи А. Л., что по окончаніи курса ему предложено было Военнымъ министерствомъ готовиться къ занятію въ ней одной изъ доцентуръ. Эта профессорская карьера какъ нельзя больше отвѣчала личнымъ наклонностямъ и вкусамъ А. Л.; но судьба съ нимъ распорядилась иначе. Для хрупкаго отъ природы его здоровья пагубенъ оказался петербургскій климатъ. Въ виду начавшихся у него горловыхъ кровоизліяній тогдашнее свѣтило петербургской медицины Н. Θ. Здекауеръ категорически предписалъ ему покинуть Петербургъ и вообще перемѣнить весь образъ жизни, избѣгая душной атмосферы кабинета. Здѣсь подоспѣло предложеніе, которое прислалъ А. Л. графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій,—ѣхать къ нему на службу въ Восточную Сибирь, чтобы принять участіе въ устройствѣ только что присоединеннаго къ Россіи Амурскаго края—и А. Л. принялъ это приглашеніе.

Тяжело было для А. Л. переѣзжать изъ полного живыхъ общественныхъ начинаній Петербурга въ глушь Сибири. Новая дѣятельность, однако, скоро увлекла собой отзывчиваго молодого человѣка. Администрація пользовалась имъ преимущественно для командировокъ, поручая ему на мѣстѣ изучать различные вопросы. Передвигаться часто при этомъ приходилось многія сотни верстъ верхомъ, ночуя по лѣсамъ подъ открытымъ небомъ; но эта подвижная жизнь несмотря на свою суровость благодѣтельно отразилась у А. Л. на организмѣ. А передъ глазами развѣртывалась картина края съ огромными естественными богатствами, втунѣ лежавшими или хищнически расточаемыми по винѣ почти что полного тогда отсутствія въ Сибири образованныхъ людей. Можно себѣ представить, какъ реагировалъ на это молодой А. Л., ранѣе уже проникшійся сознаниемъ великаго значенія науки.

Такъ проходили за изученіемъ Сибири годы, которые А. Л. самъ относилъ къ лучшимъ въ своей жизни. Между тѣмъ во внутренней Россіи вѣтеръ измѣнился. Началась реакція. На горизонтѣ зажглась звѣзда графа Д. А. Толстого. Этого имени А. Л. до конца дней не могъ слышать, не возмущаясь. И то сказать, для человѣка, работавшаго надъ поднятіемъ культурнаго уровня Сибири, абсурдность Толстовской школьной политики представлялась въ исключительно яркомъ свѣтѣ. Что можетъ быть, дѣйствительно, характернѣе исторіи съ попыткой сибирской администраціи основать средне-учебное заведеніе въ Читѣ—въ чемъ А. Л. принималъ живѣйшее участіе. Читинскіе буряты собрали на это капиталъ. Администрація рѣшила открыть для нихъ реальное училище. Графъ Д. А. Толстой запротестовалъ: видамъ правительства соотвѣтствуетъ только открытіе классическихъ гимназій. Совѣтъ Министровъ высказался, однако, въ смыслѣ благопріятномъ представленію изъ Иркутска: Бурятамъ лишнее воспитываться на Вергиліи и Гомерѣ. Тогда Толстой кладетъ все дѣло подъ сукно, и Чита еще на годы и на годы остается безъ всякой средней школы. Комедія для постороннихъ; горькая обида для людей, влагавшихъ душу въ дѣло.

За 10 почти лѣтъ, проведенныхъ въ Сибири, здоровье

А. Л. улучшилось настолько, что онъ рѣшился было снова вернуться въ Петербургъ. Въ Военномъ министерствѣ тогда шли подготовительныя работы по введенію всеобщей воинской повинности въ Россіи. Къ нимъ привлеченъ былъ и А. Л. Ему было поручено заняться порядкомъ отбыванія воинской повинности казаками. Во время этого пребыванія въ Петербургѣ А. Л. вновь встрѣтился съ семьей своей будущей жены Лидіи Алексѣвны Родственной, съ которой онъ познакомился еще въ Иркутскѣ. Сближенію ихъ много способствовала общность главныхъ духовныхъ интересовъ. Еще до брака, подъ своей дѣвичьей фамиліей, Л. А. стала уже извѣстна всей передовой Россіи, какъ одна изъ пионерокъ дѣла высшаго образованія для женщинъ. Ея пожертвованіе въ 50.000 р. дало возможность возникнуть женскимъ врачебнымъ курсамъ при Военномъ министерствѣ, откуда выросъ ея же заботами теперешній петербургскій Женскій Медицинскій Институтъ. За этимъ начинаніемъ Лидіи Алексѣвны съ горячей симпатіей слѣдилъ и А. Л., помогая всѣмъ, чѣмъ только могъ онъ быть полезенъ дѣлу. Бракъ между ними состоялся въ самый годъ открытія курсовъ—въ 1872 году, причемъ вѣнчались они въ Москвѣ, по дорогѣ изъ Петербурга въ Сибирь, куда Лидію Алексѣвну призывали дѣла ея семьи. Таково было ихъ свадебное путешествіе,—на тысячи верстъ въ кибиткѣ.

По возвращеніи изъ Сибири въ Петербургъ А. Л. съ обычнымъ жаромъ принялся вновь за порученную ему законодательную работу; но канцелярія и петербургскій климатъ опять оказались для него ядомъ. Онъ заболѣлъ настолько тяжело, что Лидіи Алексѣвнѣ пришлось съ нимъ уѣхать для лѣченія за-границу. Военное министерство, не желая потерять А. Л. для своей службы, продлило ему отпускъ съ сохраненіемъ содержанія до двухъ лѣтъ. Но и за это время здоровье А. Л. окончательно не возстановилось, и всего 38 лѣтъ онъ увидалъ себя въ необходимости прервать начатую было такъ успѣшно военную карьеру. Въ отставку вышелъ онъ съ чиномъ генераль-маіора.

Конецъ служебной дѣятельности вовсе не былъ, однако, концомъ упорнаго жизненнаго труда. Въ моментъ своего

брака А. Л. и Л. А. Шанявскіе далеко не были богатыми людьми. У А. Л. кромѣ жалованья не было другихъ ресурсовъ. Что касается Лид. Алекс., то благодаря стеченію несчастныхъ обстоятельствъ уже раньше, чѣмъ она сдѣлалась невѣстой А. Л., оставленное семьѣ покойнымъ ея отцомъ золотопромышленное дѣло пришло въ разстройство и служило для Лид. Алекс. только источникомъ заботъ и огорченій. Грѣшно было бы не сохранить для лѣтописи русскаго образованія тотъ фактъ, что первое свое пожертваніе на женскіе курсы Лид. Алекс. сдѣлала не отъ своихъ избытковъ, а изъ послѣднихъ свободныхъ средствъ, какими она располагала. Такимъ образомъ, лишь только позволило А. Л. его здоровье, Шанявскіе поѣхали въ Сибирь, чтобы общими усилиями создать новую матеріальную базу для своего существованія. Вступивъ въ компанію съ В. Н. Сабашниковымъ (отцомъ теперешняго предсѣдателя правленія Городского Университета), они явились одними изъ пионеровъ золотопромышленности на Амурѣ, въ бассейнѣ рѣки Зеи. Счастье имъ улыбнулось: развѣдываемая ими мѣстность оказалась дѣйствительно золотоносной. Такъ создалось новое большое золотопромышленное дѣло, которое А. Л. поставилъ и велъ болѣе 25 лѣтъ въ качествѣ компаньона-распорядителя, не щадя своего труда. Почувствовавши твердую почву подъ ногами, Шанявскіе въ 80-хъ годахъ переселились было въ Москву, гдѣ А. Л. приобрѣлъ свой домъ и принять былъ въ составъ московскаго дворянства. Въ собственномъ домѣ Шанявскіе, однако, долгое время жили скорѣе, какъ на бивакахъ, черезъ короткіе промежутки возвращаясь изъ Москвы въ Иркутскъ и черезъ Благовѣщенскъ на пріиски для непосредственнаго наблюденія за ходомъ предпріятій. Только тогда, когда здоровье А. Л. опять дало ему нѣсколько серьезныхъ предостереженій, онъ сталъ уже подъ старость вести въ Москвѣ дѣйствительно осѣдлый образъ жизни.

При руководствѣ крупнымъ промышленнымъ предпріятіемъ А. Л. проявлялъ тѣ же качества, которыя отличали раньше его службу: высокую рабочую способность, изощренное чувство долга и уваженіе къ наукѣ. Стремясь внести болѣе рациональные приемы въ область сибирской золото-

промышленности, не знавшей тогда еще ничего, кромѣ самой грубой эмпириі, А. Л. самъ вмѣстѣ съ Л. А. перевелъ съ англійскаго книгу Андерсена «Поиски золота» и первую часть книги Локка «Золото». Редакцію этихъ работъ для русскаго изданія взялъ на себя такой ученый, какъ проф. Н. А. Кулибинъ. На пріискахъ, которыми онъ управлялъ, А. Л. вводилъ различныя техническія усовершенствованія. Но все же промышленная дѣятельность не стала для него содержаніемъ жизни. Онъ къ ней опредѣленно относился лишь какъ къ средству, дающему возможность кое-что сдѣлать и въ направленіи прежнихъ идеаловъ. Онъ радъ былъ вмѣстѣ съ своими компаньонами помочь матеріально превращенію Благовѣщенской прогимназіи въ гимназію; онъ основалъ сельско-хозяйственную школу въ Забайкальѣ; но ближе всего къ сердцу онъ принималъ судьбы открывшихся при такомъ дѣятельномъ участіи Лид. Алекс. женскихъ учебныхъ курсовъ въ Петербургѣ.

Сначала эти, курсы успѣшно развиваясь, доставляли А. Л. и Л. А. только радость. Но въ 1882 г., какъ извѣстно, ихъ существованіе было прекращено однимъ ударомъ. Съ вступленіемъ П. С. Ванновскаго въ должность военнаго министра это пригрѣтое Д. А. Милотинимъ учрежденіе было закрыто. Съ этой минуты А. Л. и Л. А. всецѣло отдаются борьбѣ за то, чтобы вызвать его снова къ жизни. Годъ слѣдуетъ за годомъ. Могучія вѣянія въ высшихъ сферахъ противны женскому образованію: «Женщину надо возвратить семьѣ». Но А. Л. и Л. А. наперекоръ всему не соглашаются сложить оружіе. Они пускаютъ въ ходъ всѣ свои многочисленные связи въ Петербургѣ. Съ 1882 по 1894 годъ—такъ вспоминали они объ этомъ сами—мы, безъ преувеличенія, болѣе ста разъ являлись въ разныя инстанціи съ ходатайствами, напоминаніями и предложеніемъ средствъ. Усилія ихъ, поддерживаемыя ихъ добрыми друзьями въ Петербургѣ, черезъ 12 лѣтъ увѣнчались-таки успѣхомъ. Передъ ихъ настойчивостью и силой убѣжденія сдался даже такой министр, какъ графъ И. Д. Деляновъ. Онъ согласился на устройство Женскаго Медицинскаго Института при министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, но подъ условіемъ, чтобы Институтъ

былъ обезпеченъ частными пожертвованіями. Нужная сумма была собрана въ Москвѣ стараніями кружка, сгруппировавшагося кругомъ Шанявскихъ. Львиную долю—около 300.000 р. (помимо прежняго дара Л. А.)—внесли они при этомъ сами; да сверхъ того А. Л. передалъ Институту 200.000 р., предоставленныхъ въ его распоряженіе духовнымъ завѣщаніемъ одного изъ его компаньоновъ по золотопромышленности П. В. Берга. Такъ ожило это ихъ дѣтище, чтобы достигнуть теперешняго своего упроченнаго положенія, когда правительство, забывъ о прежней неприязни, само довольно щедро отпускаетъ на него государственныя средства.

Въ какое время у А. Л. зародилась мысль о созданіи въ Россіи вольнаго университета? Отнюдь не экспансивный по природѣ, А. Л. подѣлился ею съ окружающими лишь тогда, когда онъ уже рѣшилъ безотлагательно приступить къ ея осуществленію, т. е. незадолго до своей кончины. Но несомнѣнно, что про себя онъ много раньше сталъ лелѣять подобную идею. Въ кругу интимно-близкихъ съ семьей Шанявскихъ лицъ было извѣстно, что А. Л. большую часть своего состоянія намѣренъ завѣщать или употребить еще при жизни на просвѣтительныя цѣли. А такъ какъ А. Л. и Л. А. были горячими поборниками высшаго женскаго образованія, то всѣ ихъ окружающіе склонны были думать, что въ этомъ направленіи А. Л. будетъ идти и дальше. Но когда въ разговорахъ А. Л. предлагали обратить вниманіе на то или другое изъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, онъ отвѣчалъ раздумчиво: «Все женщины... Какъ будто не слѣдовало бы позаботиться и о мужчинахъ. Какъ будто мало среди мужчинъ такихъ, которые тоже тщетно стучатся въ двери высшей школы. Россіи нужны были бы такіе разсадники науки, куда за ней могъ бы обращаться всякій, кто ее ищетъ, къ какому бы онъ полу ни принадлежалъ». И когда М. М. Ковалевскій въ Парижѣ основалъ свою вольную высшую школу, А. Л. слѣдилъ за этимъ начинаніемъ съ особымъ интересомъ.

Трудно, однако, было думать, чтобы А. Л. удалось осуществить въ Россіи что-нибудь подобное. Долгое время здѣсь ставили непреодолимую преграду общія политическія усло-

вія. Когда же въ воздухѣ повѣяло весной, А. Л., казалось, являлся человѣкомъ, отъ котораго никто уже не въ правѣ былъ ожидать какой-либо смѣлой инициативы. Еще въ 1901 году врачи констатировали у него аневризмъ аорты въ столь сильной степени, что они склонны были немногими мѣсяцами опредѣлять возможный для него срокъ жизни. «Первая же серьезная неожиданность, первое сильное волненіе могутъ быть для него смертельны»—предупредили медики Лидію Алексѣевну. Тогда Л. А. создала для больного мужа совсѣмъ особыя условія существованія. А. Л. сталъ жить затворникомъ, причемъ, однако, онъ сохранилъ всю прежнюю свою духовную связь съ міромъ. Исключена была только возможность неожиданныхъ толчковъ по нервамъ, признанныхъ медиками за ближайшую опасность: а достигалось это тѣмъ, что всякое серьезное внѣшнее впечатлѣніе воспринималось больнымъ лишь послѣ осторожной подготовки къ нему со стороны Лидіи Алексѣевны. Такъ благодаря ея неусыпному вниманію жизнь А. Л. вопреки роковому, неудержимому развитію недуга продлилась на цѣлые четыре года, оставаясь полной внутренняго содержанія. Онъ съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что совершалось въ покинутомъ имъ мірѣ. Въ тиши своего рабочаго кабинета онъ переживалъ все то, чѣмъ волновалась, чѣмъ болѣла и чѣмъ была счастлива Россія при освободительномъ движеніи. Но при подобномъ состояніи здоровья мыслимо-ли было активно реагировать на ходъ общественныхъ событій?

И, тѣмъ не менѣе, невѣроятное стало фактомъ. Тѣмъ стимуломъ, который заставилъ А. Л. напрячь послѣдніе остатки жизненной энергіи, чтобы не остаться пассивнымъ въ критическое для Россіи время, послужила ближайшимъ образомъ японская война съ ея катастрофами на сушѣ и на морѣ. Какъ бывший военный человѣкъ, А. Л. воспринималъ ихъ съ особенной болѣзненностью. Какъ бывший соратникъ Д. А. Милютинъ, онъ признавалъ плачевный для Россіи ходъ войны карой за ту политику, которая тормозила въ Россіи общее культурное развитіе народа. На это и должны были, по его взгляду, теперь направиться общественныя усилія: чтобы предотвратить возможность повторенія подобнаго тя-

желаго урока, Россія должна была вернуться на тотъ путь, который ей указывали лучшіе ея люди послѣ Севастопольскаго погрома. А между тѣмъ какъ разъ наряду съ внѣшними бѣдствіями передъ страной стала разворачиваться перспектива одичанія. Правительственныя школы не выдержали толчка освободительнаго движенія, и цѣлые годы въ нихъ не было правильного ученія. При видѣ этого А. Л., забывая про свою смертельную болѣзнь, рѣшилъ подать примѣръ общественной самопомощи въ дѣлѣ культурнаго подъема русскаго народа и въ 1905 году приступилъ къ осуществленію плана вольной высшей школы, который—какъ мы видѣли—давно ему былъ дорогъ.

Въ началѣ этотъ проектъ былъ сообщенъ А. Л. и Лидіей Алексѣевной, отдавшей ему всѣмъ своимъ горячимъ сердцемъ, лишь самымъ близкимъ людямъ, какъ старый ихъ пріятель проф. В. К. Ротъ и братья М. В. и С. В. Сабашниковы, съ семьей которыхъ Шанявскіе связывали не только дѣловыя, но и теплыя дружескія отношенія. Черезъ нихъ велись въ дальнѣйшемъ переговоры съ другими лицами, которыхъ было желательно привлечь къ задуманному дѣлу. Но душой предпріятія до своего послѣдняго вздоха оставался самъ Альфонсъ Леоновичъ.

Прежде всего поставленъ былъ вопросъ о правовомъ положеніи будущаго университета. Стремиться ли къ тому, чтобы создать особое Общество для его устройства или обратиться къ какому-либо изъ существующихъ органовъ мѣстнаго самоуправления, ввѣривъ ему на извѣстныхъ условіяхъ средства для основанія свободной высшей школы? Вопреки тѣмъ сомнѣніямъ, которыя тутъ высказывались, А. Л. рѣшительно избралъ второй изъ двухъ указанныхъ путей. Онъ находилъ его и болѣе короткимъ (чему онъ придавалъ значеніе особенно по состоянію своего здоровья), и болѣе безопаснымъ въ смыслѣ судьбы пожертвованія при возможныхъ колебаніяхъ общей правительственной политики въ дѣлѣ просвѣщенія, и, наконецъ, А. Л. былъ убѣжденъ, что, ставъ частью общественнаго самоуправления, свободный университетъ имѣетъ шансы гораздо пышнѣе разростись, чѣмъ если онъ будетъ организованъ на положеніи частнаго предпріятія.

«То, что я могу дать на университетъ, достаточно лишь для почина въ подобномъ грандіозномъ дѣлѣ. Дальнѣйшія же средства будутъ тѣмъ обильнѣе притекать, чѣмъ ярче въ университетѣ будетъ выступать его общественный характеръ». По этимъ же соображеніямъ А. Л. опредѣленно не хотѣлъ, чтобы новый университетъ носилъ на себѣ его имя: оно скрѣпилось съ университетомъ позже, когда А. Л. уже не было на свѣтѣ. Естественнѣе всего А. Л., какъ московскій житель, находилъ при этомъ предложить даръ для основанія вольнаго университета московскому Городскому Общественному Управленію.

Но раньше, чѣмъ вступить по этому поводу въ переговоры съ городомъ, А. Л. сталъ искать достаточно компетентное лицо, которое бы согласилось принять ближайшее участіе во внутренней организаціи новаго университета. Мысль его прежде всего направилась на проф. А. И. Чупрова, въ которомъ Шанявскіе встрѣтили дѣятельнаго союзника, когда шли хлопоты о возрожденіи женскихъ врачебныхъ курсовъ. Къ нему онъ къ первому и обратился черезъ посредство пишушаго эти строки. Но будучи предупрежденъ, что А. И. Чупровъ, вынужденный состояніемъ здоровья жить постоянно за-границей, почти навѣрное отклонитъ такое предложеніе, А. Л. просилъ на этотъ случай, чтобы онъ снесся со старымъ своимъ пріателемъ М. М. Ковалевскимъ и узналъ, не согласится ли тотъ промѣнять руководство своей парижской школой на аналогичное образовательное предпріятіе въ Москвѣ.

Нельзя не задержать вниманіе на этомъ эпизодѣ въ исторіи возникновенія Московскаго Городскаго Университета. А. И. Чупровъ самъ тогда былъ не много дальше отъ конца земнаго существованія, чѣмъ А. Л. Шанявскій: его недугомъ была грудная жаба. Но люди, молодость которыхъ протекала въ 60-е года, не считались съ мыслью о предѣлѣ жизни, разъ въ сердцѣ ихъ затрогивались идеалистическія струны. Такъ на призывъ А. Л. со стороны А. И. Чупрова послѣдовалъ горячій откликъ. О возвращеніи въ Россію для непосредственнаго участія въ дѣлѣ его здоровье не позволяло думать; но онъ съ живѣйшимъ интересомъ отнесся

къ предпринятому А. Л. начинанію. Онъ сомнѣвался, правда, чтобы русская дѣйствительность позволила осуществиться такому плану; но это не мѣшало ему войти во всестороннее обсужденіе поднятаго вопроса. Передавая М. М. Ковалевскому полученное отъ А. Л. порученіе, А. И. Чупровъ развилъ въ письмѣ къ нему рядъ мыслей по поводу зарождающейся свободной высшей школы. Письмо это, пересланное самимъ А. И. Чупровымъ въ копіи въ Москву, здѣсь стоитъ привести въ главныхъ его частяхъ, такъ какъ оно не осталось безъ вліянія на дальнѣйшую разработку проекта университета.

«На мой взглядъ—писалъ А. И. Чупровъ—нѣтъ ни малѣйшей надобности устраивать такую школу, которая призвана была бы конкурировать съ университетомъ. Это и не нужно и невозможно, такъ какъ у частнаго учрежденія въ Россіи не можетъ быть ни столькихъ ученыхъ силъ, ни столькихъ матеріальныхъ средствъ, сколькими располагаетъ государство.... Не въ копіи съ университетовъ, которые въ значительной мѣрѣ изжились, при нынѣшнихъ ихъ формахъ, а въ чемъ-то новомъ, свѣжемъ, до сихъ поръ только намѣчающемся въ не совсѣмъ еще ясныхъ контурахъ, нуждается наша страна, да и не одна она, а и другія. Эта новая школа должна существовать, какъ мнѣ кажется, не какъ замѣна, а какъ дополненіе и коррективъ нынѣ существующаго университетскаго образованія.

«Подобное дополненіе безусловно необходимо въ Москвѣ, если бы даже ея университетъ работалъ полнымъ ходомъ. Прежде всего университетъ переполненъ превыше мѣры. Уже сейчасъ въ немъ болѣе пяти тысячъ студентовъ. Значительно расширить контингентъ учащихся при существующихъ зданіяхъ и устройствахъ нѣтъ никакой возможности. Уже теперь занятія съ аудиторіей, имѣющей подчасъ больше пятисотъ человекъ, становятся почти что формальностью, а когда число слушателей подойдетъ подъ тысячу, то отъ серьезной работы останется пустой звукъ. Уже эта многочисленность слушателей и непрерывный дальнѣйшій ихъ притокъ заставляетъ желать дополнительной школы. Но сверхъ того, при существующихъ условіяхъ пріема, въ выс-

шую школу попадаютъ лишь немногочисленныя частицы, потребность же въ высшемъ образованіи ощущается безчисленнымъ множествомъ молодыхъ людей, для которыхъ университеты недоступны. Возьмемъ реалистовъ, семинаристовъ, воспитанниковъ техническихъ и земледѣльческихъ школъ, евреевъ и проч. и сверхъ того всѣхъ женщинъ. Это—такой контингентъ слушателей, который способенъ заполнить не одну, а десять высшихъ школъ въ Россіи. Вотъ для этихъ-то элементовъ, нынѣ не допускаемыхъ въ университетъ, а между тѣмъ жадно къ нему стремящихся, и долженъ быть данъ исходъ. Для нихъ-то и слѣдовало бы основать подходящіе высшіе курсы, высшую школу или какой еще будетъ признано цѣлесообразнѣе назвать ее, а не для тѣхъ, окончившихъ среднія учебныя заведенія (считая гимназій мужскія и женскія), которые и безъ того могутъ получить доступъ къ высшему образованію. При такой постановкѣ новое учрежденіе не будетъ переходить дорогу ни университету, ни высшимъ женскимъ курсамъ Герье, ни кому-либо другому, а между тѣмъ привлечетъ многія тысячи самыхъ желательныхъ слушателей и слушательницъ.

«При такой постановкѣ и правительству неловко будетъ мѣшать новому предпріятію, и Думѣ есть полное основаніе хлопотать, и частнымъ лицамъ есть достаточный резонъ жертвовать, такъ какъ дѣло идетъ о доставленіи высшаго просвѣщенія такимъ слоямъ русскаго общества, которые лишены его теперь. Сказанное выше исключаетъ правило о пріемѣ въ число слушателей лишь лицъ, окончившихъ среднія заведенія. Пусть это правило будетъ замѣнено, если это будетъ нужно, фразой о подготовкѣ, которая установленіемъ школы будетъ признана достаточной.... И еще я забылъ объ одномъ основаніи болѣе свободной постановки пріема. Если вы допустите лишь абитуриентовъ гимназій, естественно звать и патентованныхъ преподавателей, а прелесть новаго учрежденія состоитъ въ томъ, что въ немъ могутъ найти себѣ мѣсто талантливые люди изъ числа тѣхъ, кому не пришлось сдѣлаться магистромъ или докторомъ. Итакъ я посоветовалъ бы устройство высшихъ научныхъ курсовъ для лицъ обоого пола, обладающихъ достаточной подготов-

кой, хотя бы они и не удовлетворяли тѣмъ условіямъ, какія требуются у насъ нынѣ для вступленія въ высшее учебное заведеніе. А еще лучше было бы не говорить въ уставѣ вовсе ничего о подготовкѣ, предоставивъ это внутреннимъ распоряжкамъ.

«И въ другомъ еще отношеніи новая школа не должна бы состязаться съ университетомъ. Она не можетъ имѣть всѣхъ факультетовъ. Достаточно было бы ограничиться общественными науками и естествознаніемъ, оставивъ юриспруденцію, медицину и чистую математику соотвѣтствующимъ факультетамъ правительственнаго университета».

Черезъ нѣсколько времени А. И. Чупровъ сообщилъ въ Москву о томъ, что М. М. Ковалевскій согласенъ туда пріѣхать для личныхъ переговоровъ. «Относительно характера предполагаемой школы—писалъ при этомъ А. И.—онъ довольно близко сходится съ моими взглядами, высказанными въ письмѣ ему, сообщенномъ вамъ въ копіи. Онъ пишетъ: «На дѣло мы, кажется, смотримъ съ тобой одинаково. Пяти-сотъ тысячъ мало для университета. Надо начать съ основанія двухъ соединенныхъ школъ общественно-государственныхъ и юридическихъ наукъ съ широкимъ историческимъ, социологическимъ и историко-философскимъ фундаментомъ. Курсъ двух- или трехгодичный. Доступъ широко открытый обоимъ поламъ съ дипломами и безъ дипломовъ. Отъ лекторовъ требуются не ученые степени, а работы или педагогическая дѣятельность, а также имя въ литературѣ». Поль всѣмъ этимъ подписался бы и я за исключеніемъ мысли о юридической школѣ. Зачѣмъ она при существованіи юридическихъ факультетовъ? Всего нужнѣе школа общественно-государственныхъ наукъ, такъ какъ въ университетахъ преподаваніе ихъ поставлено недостаточно, а запросъ на свѣдѣнія этого рода будетъ громадный при предстоящемъ преобразованіи нашего государственнаго строя и въ особенности при новой организаціи земствъ съ мелкой единицей. Если бы на жертвуемые деньги правильно поставить лишь такую школу, и это была бы громадная заслуга передъ страной. Но я все-таки позволилъ бы себѣ поддержать мысль, выраженную въ прежнемъ письмѣ моемъ. Было бы очень

желательно ввести преподаваніе естественныхъ наукъ въ широкомъ смыслѣ слова, какъ основу для выработки міросозерцанія и для послѣдующаго выбора практическихъ специальностей». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ,—какъ, впрочемъ, и въ большинствѣ другихъ затронутыхъ А. И. Чупровымъ пунктовъ,—его взглядъ прямо шелъ на встрѣчу взгляду самого А. Л. Шанявскаго: оба они одинаково высоко ставили образовательное значеніе естественныхъ наукъ, являясь и въ этомъ отношеніи хранителями завѣтовъ, оставленныхъ 60-ми годами.

Въ 20 хъ числахъ августа 1905 года М. М. Ковалевскій прибылъ въ Москву и, опираясь на близкое свое знакомство съ вольными высшими школами въ Зап. Европѣ, принялъ дѣятельное участіе въ томъ, чтобы подыскать для идеи А. Л. наиболѣе практическія виѣшнія формы. Вскорѣ по его прибытіи Л. А. Шанявской собрано было совѣщаніе изъ членовъ Городской Думы и другихъ общественныхъ дѣятелей, мнѣніемъ которыхъ А. Л. особенно интересовался. Тутъ были изъ состава Думы В. К. Ротъ, С. А. Муромцевъ, Н. М. Перепелкинъ, Н. И. Гучковъ, Н. Н. Щепкинъ, М. Я. Герценштейнъ, а кромѣ нихъ М. М. Ковалевскій, кн. С. Н. Трубецкой, В. Е. Якушкинъ, М. В. Сабашниковъ и Н. В. Сперанскій.

Сдѣланный Л. А. Шанявской докладъ о планѣ А. Л. предложить городу Москвѣ пожертвованіе на устройство свободнаго университета въ вѣдѣніи Городскаго Общественнаго Управленія обсуждался горячо. Основной мысли сочувствовали всѣ; но характеръ будущихъ отношеній между городомъ и университетомъ вызывалъ значительныя разногласія. Въ общемъ, однако, опредѣлилось, что предлагаемый А. Л. даръ городу на починъ въ дѣлѣ основанія свободной высшей школы Думой будетъ несомнѣнно принятъ. Такое же благоприятное впечатлѣніе вынесъ В. К. Ротъ изъ бесѣды, которую онъ по просьбѣ А. Л. имѣлъ съ московскимъ Городскимъ Головой (имъ былъ тогда кн. В. М. Голицынъ). Убѣдившись этимъ путемъ, что общественная атмосфера благоприятна для его начинанія, А. Л. принялся за выработку

формального заявленія о своемъ проектѣ, которое онъ и внесъ 15 сентября въ Городскую Думу.

«Въ нынѣшніе тяжелые дни нашей общественной жизни— писалъ А. Л.—признавая, что однимъ изъ скорѣйшихъ способовъ ея обновленія и оздоровленія должно служить широкое распространеніе просвѣщенія и привлеченіе симпатіи народа къ наукѣ и знанію,—этимъ источникамъ добра и силы,—я желалъ бы, по возможности, оказать содѣйствіе скорѣйшему возникновенію учрежденія, удовлетворяющаго потребности высшаго образованія; поэтому я прошу Московское Городское Общественное Управленіе принять отъ меня, для почина, въ даръ городу Москвѣ принадлежащее мнѣ въ Москвѣ, подробно описанное ниже недвижимое имущество—домъ съ землей, для устройства и содержанія въ немъ или изъ доходовъ съ него Народнаго Университета»....

Отмѣтимъ здѣсь, что называя проектированный имъ университетъ «народнымъ», А. Л. искалъ только другого выраженія для замѣны слова «вольный», которое многіе склонны были признавать за неосторожность. Свобода отъ правительственной опеки въ управленіи университетомъ, свобода доступа къ наукѣ для всѣхъ общественныхъ слоевъ— вотъ что связывалось въ его умѣ съ этимъ терминомъ «народный», который позже сталъ употребляться въ примѣненіи къ университетамъ въ значительно отличномъ смыслѣ.

А. Л. излагалъ, далѣе, главныя основанія, на которыхъ должно быть установлено будущее дѣло. Широкая доступность университета для всѣхъ желающихъ учиться безъ различія пола, національностей и вѣроисповѣданія и безъ требованія предьявленія какихъ бы то ни было дипломовъ; свобода отъ формальныхъ стѣсненій при приглашеніи лекторовъ; чтеніе лекцій на любомъ языкѣ; возможно умѣренная плата за слушаніе лекцій съ стремленіемъ къ полной бесплатности занятій, какъ къ идеалу; организація Попечительнаго Совѣта наполовину изъ членовъ, избираемыхъ Городской Думой, наполовину изъ членовъ, пожизненно назначенныхъ со стороны жертвователя, съ тѣмъ, чтобы по выбытіи эти послѣдніе замѣнились самимъ Попечительнымъ Совѣтомъ; обязательное присутствіе въ Совѣтѣ нѣсколькихъ членовъ—

женщинъ и нѣсколькихъ лицъ съ высшей ученой степенью— вотъ главныя условія, которыя жертвователь ставилъ Думѣ. Для выработки же подробнаго устава новаго учрежденія А. Л. просилъ Думу учредить особую комиссію съ правомъ и для него назначить въ нее своихъ представителей. На организацію Народнаго Университета въ указанной имъ формѣ А. Л. давалъ Московскому Городскому Управленію три года. Въ случаѣ, если бы за этотъ срокъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, А. Л. все же оставлялъ за городомъ жертвуемое имъ имущество, но съ тѣмъ, чтобы оно такъ или иначе было употреблено на высшее народное образованіе и притомъ какъ мужское, такъ и женское. Новый планъ долженъ былъ быть выработанъ съ согласія жертвователя или назначенныхъ имъ для этого лицъ.

Приведа точное описаніе жертвуемаго имущества, А. Л. заканчивалъ свое заявленіе такъ:

«Въ заключеніе почтительнѣйше прошу Московскую Городскую Думу не отказать въ принятіи мѣръ къ скорѣйшему открытію Народнаго Университета, и если къ тому будетъ встрѣчено препятствіе по независящимъ отъ Городской Думы обстоятельствамъ, то покорнѣйше прошу Московское Городское Общественное Управленіе принять на себя ходатайство о томъ, чтобы представленіе объ открытіи Народнаго Университета внесено было въ первое же собраніе Народныхъ представителей».

Одновременно съ этимъ заявленіемъ, того же 15 сентября, А. Л. отправилъ письмо тогдашнему министру Народнаго Просвѣщенія, который былъ ему товарищемъ по Академіи Генеральнаго Штаба. Выразивъ свою живѣйшую радость по поводу общей перемѣны правительственнаго курса въ области высшаго образованія (припомнимъ, что 27 августа 1905 г. появились «Временныя правила», дававшія автономію высшимъ школамъ), А. Л. ставилъ министра въ извѣстность о предпринятомъ имъ въ Городской Думѣ шагѣ и, обращаясь къ министерству за поддержкой при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, такъ развивалъ свои мотивы.

«Несомнѣнно, намъ нужно какъ можно больше умныхъ образованныхъ людей; въ нихъ вся наша сила и наше спа-

сеніе, а въ недостаткѣ ихъ—причина всѣхъ нашихъ бѣдъ и несчастій и того прискорбнаго положенія, въ которомъ очутилась нынѣ вся Россія. Печальная система гр. Д. А. Толстаго, старавшагося всѣми мѣрами сузить и затруднить доступъ къ высшему образованію, сказалась теперь наглядно въ печальныхъ результатахъ, которые мы переживаемъ, и въ крайней нашей бѣдности образованными и знающими людьми на всѣхъ поприщахъ. А другія страны въ это время, напротивъ, всѣми мѣрами привлекали людей къ образованію и знанію вплоть до принудительнаго способа включительно. Всѣ ясно сознали ту аксіому, что съ однѣми руками и ногами ничего не подѣлаешь, а нужны и головы, и чѣмъ онѣ лучше гарнированы, и чѣмъ многочисленнѣе, тѣмъ страна богаче, сильнѣе и счастливѣе. Въ 1885 г. я пробылъ почти годъ въ Японіи, при мнѣ шла ея кипучая работа по обученію и образованію народа во всѣхъ сферахъ дѣятельности, и теперь мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ японскаго торжества и нашей полной несостоятельности. Но такіе удары судьбы даже такая страна, какъ наша, не можетъ сносить, не встрепенувшись вся, и вотъ она жаждетъ теперь изгладить свое униженіе, она жаждетъ дать выходъ генію населенія Россіи—не тупѣе же оно въ самомъ дѣлѣ даже монгольской расы. Но если оно коснѣетъ доселѣ въ принудительномъ невѣжествѣ, то теперь настало время, когда оно рвется изъ него выйти и со всѣхъ сторонъ раздается призывъ къ знанію, ученью и возрожденію».

Кромѣ прямой пользы,—указывало далѣе письмо,—кромѣ «открытія доступа къ знанію всѣмъ обездоленнымъ, не имѣющимъ входа въ правительственные университеты благодаря программѣ гр. Д. А. Толстаго», такое предпріятіе, какъ Народный Университетъ, принесетъ еще и косвенную, «предоставивъ обществу попробовать свои силы на работѣ созидательной: доселѣ ему поневолѣ была доступна лишь работа критическая».

Итакъ—продолжалъ А. Л.—«я усердно прошу отнестись къ этому дѣлу съ необходимымъ вниманіемъ и довѣріемъ, чтобы не прошло еще много лѣтъ безплодныхъ ожиданій и ходатайствъ по поводу такого безобиднаго и справедливаго

дѣла. Конечно, есть вещи непреложныя, и свободное образованіе послѣ многихъ вѣковъ мрака придетъ когда-нибудь и въ нашей странѣ,—въ этомъ твердомъ упованіи я и несу на него свою лепту. Но зачѣмъ еще лишнему поколѣнію гибнуть въ этомъ мракѣ».

Письмо заканчивалось обращеніемъ къ примѣру Д. А. Милютина, взявшаго подъ свое покровительство частную инициативу въ дѣлѣ открытія Женскаго Медицинскаго Института, и призывомъ снискать для Академіи Генеральнаго Штаба новое право на благодарность со стороны русскаго общества.

20 сентября Городская Дума передала возбужденный А. Л. вопросъ въ особую Коммиссію подъ предсѣдательствомъ В. К. Ротъ, которая, ознакомившись съ составомъ жертвуемаго имущества, высказалась за принятіе дара \*). Не встрѣтило никакихъ возраженій въ Коммиссіи и дополнительное заявленіе А. Л. въ Городскую Думу, гдѣ онъ ходатайствовалъ объ учрежденіи «Общества для усиленія средствъ Московскаго Народнаго Университета» и вносить нѣкоторыя поправки въ два пункта первоначальнаго своего заявленія. Заслушавъ докладъ Коммиссіи, Городская Дума въ собраніи 25 октября 1905 года постановила: 1) Принять съ благодарностью жертвуемое генераль-маіоромъ А. Л. Шанявскимъ имущество для устройства и содержанія изъ доходовъ съ него Народнаго Университета. 2) Признать желательнымъ немедленное учрежденіе особаго Общества для усиленія средствъ на созданіе и расширеніе Народнаго Университета; до учрежденія же названнаго Общества открыть при Городской Думѣ сборъ пожертвованій на Народный Университетъ. 3) Учредить особую Коммиссію для выработки будущей организациі и для составленія устава Народнаго Университета, а равно и устава Общества для усиленія средствъ на созданіе Университета, предоставивъ А. Л. Ша-

\*) Докладъ Коммиссіи подписали: В. Ротъ, А. Бурьшкинъ, А. Генерть, А. Вишняковъ, А. Гучковъ, Н. Гучковъ, А. Шамшинъ, М. Лосевъ, С. Муромцевъ, М. Герценштейнъ, М. Коммиссаровъ, Н. Щепкинъ, А. Мануиловъ, Л. Катугаръ.

нявскому согласно пункту 6-му его заявленія, право избрать своихъ представителей въ эту Коммиссію.

Всѣмъ памятнымъ событіямъ октября мѣсяца 1905 г. вносили неизбѣжныя задержки въ ходъ возбужденнаго А. Л. дѣла. А между тѣмъ жизнь его очевидно догорала. Кровотеченія горломъ, связанная съ крайнимъ развитіемъ аневризма, грозили его ежеминутно унести. Самъ А. Л. съ твердостью глядѣлъ въ лицо приближавшейся смерти. «Все же—утѣшалъ онъ близкихъ—жизнь моя была служеніемъ идеѣ, и я благодарю судьбу за то, что она мнѣ дала возможность стремиться къ осуществленію этой идеи». Ему хотѣлось одного: не умереть, пока не будутъ закончены первые шаги на пути къ созданію Народнаго Университета. На слѣдующій же день послѣ приведеннаго постановленія Городской Думы А. Л. подписываетъ духовное завѣщаніе, по которому сверхъ предложеннаго имъ дара и главную часть своего имущества, оставляемую въ пожизненное пользованіе женѣ, онъ отказываетъ затѣмъ Народному Университету, *если Городская Дума осуществитъ его въ трехлѣтній срокъ, считая со времени подачи второго заявленія А. Л. по этому предмету, т. е. съ 3 октября 1905 года.* Въ противномъ случаѣ эти средства должны были быть переданы Женскому Медицинскому Институту. А. Л. указываетъ также, кого онъ хочетъ видѣть своими представителями въ Коммиссіи по выработкѣ устава Университета, а также въ будущемъ Попечительномъ Совѣтѣ. Остается совершить съ Городскимъ Управленіемъ формальный актъ о передачѣ ему жертвуемаго дома на предложенныхъ въ заявленіи условіяхъ. Задержку вызываетъ двухнедѣльный срокъ, въ теченіе котораго на постановленіе Думы можетъ послѣдовать протестъ со стороны Градоначальства. Какъ надо думать, не безъ особаго ходатайства объ ускореніи дѣла, Московскій Градоначальникъ отношеніемъ отъ 3 ноября извѣщаетъ Думу, что съ его стороны нѣтъ препятствій къ немедленному принятію городомъ предложеннаго А. Л. Шанявскимъ дара. 7 ноября днемъ А. Л. приглашаетъ къ себѣ нотариуса и совершаетъ дарственную запись. Едва актъ былъ подписанъ, кровь снова полилась у А. Л. изъ большой груди, и къ семи часамъ вечера его не стало.

## II.

А. Л. зналъ русскую дѣйствительность и не обманывался въ томъ, что несмотря на полную «справедливость и безобидность» предпринятаго имъ дѣла оно не гарантировано отъ долгаго хожденія по мытарствамъ. Въ предвидѣніи этого онъ ничего не закрѣпилъ въ своихъ условіяхъ наглухо: онъ предоставилъ Думѣ по соглашенію съ его вдовой Лидіей Алексѣевной принимать измѣненія, какія могутъ быть продиктованы силой обстоятельствъ. И памятуя, вѣроятно, о времени, какое поглотили ходатайства изъ-за судьбы Женскаго Медицинскаго Института, онъ далъ московскому Городскому Управленію на открытіе Народнаго Университета хотя бы въ самомъ скромномъ видѣ—въ видѣ отдѣльныхъ лекцій—срокъ въ цѣлые три года. Такая осторожность не оказалась напрасной. Указаннаго срока едва-едва хватило, чтобы привести начатое А. Л. дѣло къ благополучному исходу. Нельзя было избѣгать кое въ чемъ и отступленій отъ первоначально выраженныхъ А. Л. желаній.

Писать подробную исторію этихъ трехъ лѣтъ, протекшихъ со смерти жертвователя до открытія задуманнаго имъ университета, съ оцѣнкой всѣхъ образующихъ ее многочисленныхъ эпизодовъ, пока еще не наступило время. Мы приведемъ здѣсь лишь сухую ея схему, чтобы довести до конца начатое повѣствованіе. Впрочемъ, и эта схема сама по себѣ уже довольно внятно говоритъ о многомъ.

Первые мѣсяцы послѣ кончины А. Л. были потеряны изъ-за той бури, которая разразилась надъ Москвой въ декабрь 1905 года. Благодаря ей Коммиссія для выработки устава Народнаго Университета, назначенная Думой еще 15 ноября 1905 г., нашла возможность приступить къ занятіямъ лишь въ февралѣ 1906 г.\*). Ея работы велись сначала подъ предсѣдатель-

\*) Въ составъ Коммиссіи вошли по избранію Думы: А. С. Алексѣевъ, А. С. Вишняковъ, А. И. Геннертъ, М. Я. Герценштейнъ, кн. В. М. Голицынъ, А. И. Гучковъ, А. А. Мануиловъ, Н. М. Перепелкинъ, С. В. Пучковъ, И. К. Спизарный. Жертвователемъ были указаны слѣдующія лица: Л. А. Шанявская, В. К. Ротъ, М. В. Сабашниковъ, М. М. Ковалевскій, С. А. Муромцевъ, К. А. Тимирязевъ, В. Е. Якушкинъ,

ством С. А. Муромцева, когда же тотъ, по случаю своего избранія въ Государственную Думу, 15 апрѣля долженъ былъ уѣхать изъ Москвы, то его мѣсто заступилъ товарищъ предсѣдателя В. К. Ротъ. Докладъ Коммисіи готовъ былъ къ 17 мая. Заслушавъ его въ собраніи 30 мая, Дума постановила: 1) Утвердить представленный Коммисіей проектъ Положенія о Московскомъ Городскомъ Народномъ Университетѣ. 2) Избрать согласно принятымъ въ собраніи Городской Думы 25 октября 1905 года условіямъ жертвователя 10 лицъ въ составъ Попечительнаго Совѣта Университета. 3) Поручить Попечительному Совѣту нынѣ же приступить къ организаціи университетскаго преподаванія. 13 іюня Дума произвела и выборъ своихъ представителей въ составъ Попечительнаго Совѣта\*).

Это постановленіе было опротестовано Градоначальникомъ въ 1-мъ и 3-емъ пунктахъ. Особое по городскимъ дѣламъ Присутствіе въ засѣданіи 23 іюня согласилось съ его протестомъ: Дума не можетъ открыть Университета безъ исходатайствованія утвержденія Положенія высшимъ правительствомъ. 10 іюля Городскимъ Головой (имъ былъ тогда Н. И. Гучковъ) создано было совѣщаніе изъ членовъ Попечительнаго Совѣта и гласныхъ-юристовъ, чтобы рѣшить, какъ дальше вести дѣло: обжаловать-ли постановленіе Присутствія или представить одобренный Городской Думой проектъ Положенія о Городскомъ Народномъ Университетѣ имени А. Л. Шанявскаго на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Второй путь признанъ былъ и болѣе надежнымъ,

А. Н. Шереметевская, А. Н. Реформатскій и Н. В. Сперанскій. Сверхъ того Коммисія въ своей работѣ пользовалась любезнымъ содѣйствіемъ кн. Е. Н. Трубецкого, Н. А. Каблукова, Н. М. Кулагина, А. А. Кизеветтера, Н. К. Кольцова, М. Н. Шатерникова, С. О. Фортунатова, Б. И. Угримова.

\*) Думой были избраны: В. А. Морозова, гр. Е. А. Уварова, А. С. Алексѣевъ, А. А. Мануиловъ, кн. В. М. Голицынъ, кн. Е. Н. Трубецкой, А. С. Вишняковъ, Н. М. Перепелкинъ, С. А. Федоровъ, Н. М. Кулагинъ. Жертвователемъ были назначены: Л. А. Шанявская, В. К. Ротъ, М. В. Сабашниковъ, С. В. Сабашниковъ, М. М. Ковалевскій, С. А. Муромцевъ, К. А. Тимирязевъ, А. Н. Шереметевская, А. Н. Реформатскій и Н. В. Сперанскій.

и болѣе короткимъ. Въ этомъ смыслѣ и было рѣшено сдѣлать предложеніе Городской Думѣ.

Неяснымъ оказывалось положеніе Попечительнаго Совѣта, выборы въ который не были опротестованы Градоначальствомъ. Снесшись по этому поводу съ Градоначальникомъ, Городской Голова получилъ отъ него 11 іюля отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«Имѣя въ виду, что на проектированный Попечительный Совѣтъ Городского Народнаго Университета имени А. Л. Шанявскаго, составляющій одинъ изъ органовъ управленія означеннымъ учрежденіемъ, возлагается—по предположеніямъ—между прочимъ забота о хозяйственныхъ дѣлахъ, завѣдываніе имуществомъ и проч., я на основаніи ст. 103 Гор. Пол. изд. 92 года не встрѣчаю препятствій къ вступленію поименованныхъ въ томъ представленіи лицъ въ отправленіе обязанностей членовъ означеннаго Попечительнаго Совѣта».

Такъ дѣло осталось до осени, когда должны были возобновиться засѣданія Городской Думы.

5 сентября Городская Дума согласно мнѣнію упомянутого выше Совѣщанія направляетъ выработанный Коммисіей проектъ устава на утвержденіе въ узаконенномъ порядкѣ, а Попечительному Совѣту поручаетъ вести подготовительныя работы по открытію Университета. 25 сентября Попечительный Совѣтъ избираетъ въ свои предсѣдатели М. М. Ковалевскаго. Отъ М. М. Ковалевскаго получается отказъ въ виду принятаго имъ приглашенія занять профессорскую кафедру въ Петербургѣ. При новыхъ выборахъ въ предсѣдатели оказывается избраннымъ В. К. Ротъ; должность секретаря занимаетъ Н. В. Сперанскій.

Начавшаяся затѣмъ работа Попечительнаго Совѣта велась въ разныхъ направленіяхъ. Онъ занятъ былъ установленіемъ программы будущей дѣятельности Университета; онъ хлопоталъ—особенно въ виду настойчивыхъ представленій Лидіи Алексѣевны—о скорѣйшемъ обезпеченіи Университета собственнымъ зданіемъ (пожертвованіе въ 50.000 р. для этой цѣли, полученное отъ В. А. Морозовой, и исходатайствованіе у города участка земли, гдѣ нынѣ высится университетское зданіе, падаютъ еще на это время, проведенное въ ожиданіи правительственнаго разрѣшенія); онъ предпринялъ было открытіе чтенія отдѣльныхъ лекцій явочнымъ порядкомъ, что

встрѣтило одобрѣніе со стороны министерства П. М. фонъ-Кауфмана и было воспрещено его преемникомъ А. Н. Шварцемъ; но главной его заботой было слѣдить за ходомъ пошедшаго по установленнымъ инстанціямъ проекта объ организаціи Городского Университета.

Проектъ двигался впередъ неторопливо. Два съ половиной мѣсяца онъ пробылъ въ Москвѣ на разсмотрѣніи у Градоначальника и Генераль-Губернатора. Отсюда онъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ Главное Управление по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, гдѣ оставался до февраля 1907 года. Въ февралѣ отзывъ Генераль-Губернатора былъ сообщенъ изъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ Городской Думѣ съ тѣмъ, чтобы она высказалась по поводу представленныхъ въ немъ соображеній. Дума запрашиваетъ мнѣніе Попечительнаго Совѣта, которое поступаетъ къ Городскому Головѣ 1 марта. Въ мартѣ Городской Голова отправляетъ въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ докладную записку съ приложеніемъ мнѣнія Попечительнаго Совѣта. Въ апрѣлѣ проектъ, наконецъ, доходитъ до министерства Народнаго Просвѣщенія, куда 5 мая по просьбѣ Попечительнаго Совѣта Городской Голова входитъ съ новой докладной запиской. Въ маѣ же въ Петербургъ ѣдетъ Л. А. Шанявская и лично ходатайствуетъ объ ускореніи дѣла у министра Народнаго Просвѣщенія (имъ былъ тогда П. М. фонъ-Кауфманъ). Министръ требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ представленномъ ему проектѣ. По волѣ жертвователя чтеніе лекцій въ Университетѣ могло происходить на любомъ языкѣ: министръ указываетъ, что единственнымъ языкомъ преподаванія долженъ являться русскій. Онъ далѣе находитъ необходимымъ, чтобы предсѣдатель Правленія Народнаго Университета получалъ утвержденіе въ должности отъ него, министра. Согласіе немедленно дается. Тогда П. М. фонъ-Кауфманъ вноситъ проектъ устава Народнаго Университета въ Совѣтъ Министровъ, а тотъ 20 іюля постановляетъ направить этотъ проектъ въ законодательномъ порядкѣ.

Такъ дѣло остается до новой осени, когда должна была собраться третья Государственная Дума.

Осенью депутація отъ Попечительнаго Совѣта съ В. К.

Ротъ во главѣ представляется пріѣхавшему въ Москву товарищу министра Народнаго Просвѣщенія О. П. Герасимову. Указывая, что изъ опредѣленныхъ жертвователемъ трехъ лѣтъ два года уже прошли, она ходатайствуетъ, чтобы до проведенія устава въ законодательномъ порядкѣ министръ своей властью далъ временное разрѣшеніе на открытіе двухъ факультетовъ университета. О. П. Герасимовъ, относясь съ полной симпатіей къ Народному Университету, находилъ, однако, излишней мѣру, испрашиваемую Попечительнымъ Совѣтомъ. Онъ выражалъ увѣренность, что еще ранѣе наступленія весны уже заготовленное министерствомъ представленіе въ Думу пройдетъ черезъ всѣ законодательныя инстанціи и такимъ образомъ у Совѣта будетъ достаточно времени, чтобы подготовить къ осени 1908 года открытіе правильной дѣятельности Университета. 27 ноября министерство, дѣйствительно, внесло соответственный законопроектъ въ Гос. Думу. Дума въ засѣданіи 4 декабря признала его спѣшнымъ и передала въ Коммиссію по народному образованію. Въ срединѣ декабря В. К. Ротъ по порученію Попечительнаго Совѣта ѣдетъ въ Петербургъ, чтобы ходатайствовать объ ускореніи дѣла у депутатовъ Думы. Докладъ его Совѣту свидѣтельствовалъ, что настроеніе Думы вполне благоприятно для проекта. Въ думской Коммиссіи подъ предсѣдательствомъ В. К. Анрепа проектъ былъ принятъ по докладу М. Я. Капустина 9 января 1908 г. Докладъ Коммиссіи назначенъ былъ въ Думѣ къ разсмотрѣнію 25 января. Но въ началѣ этого засѣданія Предсѣдатель Думы заявилъ, что законопроектъ объ Университетѣ имени А. Л. Шанявскаго взять обратно вновь назначеннымъ министромъ Народнаго Просвѣщенія А. Н. Шварцемъ на основаніи ст. 47 Учр. Гос. Думы для пересмотра и исправленія.

Два новыхъ мѣсяца томительнаго ожиданія для Попечительнаго Совѣта, являвшагося вмѣстѣ съ Лид. Алекс. какъ бы душеприказчикомъ А. Л. въ предпринятомъ имъ дѣлѣ. Наконецъ, Городскимъ Головой было получено слѣдующее отношеніе Градоначальника отъ 24 марта:

«Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, препроводивъ прилагаемое при семъ въ копіи отношеніе Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 6 сего марта

за № 243, по проекту положенія о Московскомъ городскомъ народномъ университетѣ имени А. Л. Шанявскаго просить моего распоряженія о внесеніи сдѣланныхъ Сенаторомъ Шварцемъ по существу означеннаго проекта замѣчаній на обсужденіе Московской Городской Думы и копию постановленія послѣдней по сему предмету, а также надлежаще засвидѣтельствованныя копии указанныхъ въ отношеніи № 243 документовъ сообщить Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Къ сему Министръ Внутреннихъ Дѣлъ присовокупилъ, что, согласно завѣщанія А. Л. Шанявскаго, въ случаѣ, если Московское Городское Общественное Управленіе не будетъ въ состояніи устроить народный университетъ къ 3-му октября 1908 года, то все движимое и недвижимое имущество, оставленное жертвователемъ, должно быть передано въ собственность С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго Института».

Эта бумага была доложена Городской Думѣ въ собраніи 1 апрѣля. По предложенію Городскаго Головы Дума единогласно постановила: «Возбужденный предложеніемъ Градоначальника вопросъ передать на срочное обсужденіе Комиссіи для выработки организациі и устава Народнаго Университета совмѣстно съ Попечительнымъ Совѣтомъ Университета имени А. Л. Шанявскаго».

Чтобы оцѣнить всю напряженность положенія, надобно знать, что думское засѣданіе 1 апрѣля было предпослѣднимъ передъ началомъ пасхальныхъ ваканцій. Послѣднее было назначено на 4 апрѣля. А между тѣмъ, какъ извѣщали изъ сферъ Государственной Думы расположенныя къ дѣлу лица, отвѣтъ Городской Думы нельзя было откладывать до Ооминной недѣли: тогда не оставалось почти шансовъ, чтобы законопроектъ до конца сессіи успѣлъ пройти черезъ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ. Какъ бы насмѣшкой звучало при такихъ условіяхъ то напоминаніе о предѣльномъ срокѣ, которымъ заканчивалась присланная Городскому Головѣ бумага. Обширная записка А. Н. Шварца во многомъ измѣняла одобренное его предшественникомъ Положеніе о Народномъ Университетѣ. Каждый изъ длиннаго ряда образывавшихъ ее пунктовъ требовалъ строго обдуманнаго и точно формулированнаго отвѣта. Все это надобно было написать, надобно было обсудить въ соединенномъ засѣданіи Комиссіи и Попечительнаго Совѣта, надобно было сообща редактировать и, наконецъ, надобно было напечатать, чтобы докладъ 4 апрѣля могъ быть представленъ Думѣ. И

на все это оказывалось въ распоряженіи только трое сутокъ. Но тутъ сказалось, что начинаніе А. Л. Шанявскаго успѣло уже стать въ Москвѣ дорогимъ для лучшихъ дѣятелей городского самоуправления. На просьбу со стороны трехъ членовъ Попечительнаго Совѣта, которымъ порученъ былъ проектъ отвѣта на министерскую записку, снабдить ихъ нѣкоторыми указаніями, столь видный членъ Думы, какъ Н. И. Астровъ (тогда еще не имѣвшій прямого прикосновенія къ Университету) отвѣтилъ тѣмъ, что отдалъ имъ на помощь въ это критическое время не только свои дни, но и свои ночи. Съ его содѣйствіемъ дѣло спаслось отъ крушенія на такомъ порогѣ. Докладъ былъ изготовленъ къ сроку въ редакціи, которая одобрена была Думой безъ долгихъ преній. Категорическія требованія А. Н. Шварца были приняты въ виду отсутствія времени для дальнѣйшихъ съ нимъ сношеній. По другимъ пунктамъ, гдѣ министръ только рекомендовалъ казавшіяся ему цѣлесообразными измѣненія, была представлена защита думскихъ взглядовъ. Въ виду того, что нѣкоторыя требованія А. Н. Шварца нарушали поставленныя жертвователемъ условія дара, пришлось еще по телеграфу испросить согласіе удерживаемой нездоровьемъ за-границей Лидіи Алексѣевны. Въ Градоначальствѣ, однако, дѣло это, несмотря на крайнюю его спѣшность, все же задержалось на значительное время и возвратилось обратно въ Петербургъ лишь въ концѣ апрѣля. 7 мая при отзывѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ оно было препровождено въ министерство Народнаго Просвѣщенія и 15 мая было имъ снова внесено въ Государственную Думу, гдѣ стало предметомъ разсмотрѣнія 3 іюня.

Эти дебаты въ Государственной Думѣ достаточно извѣстны \*). Въ симпатіи къ начинанію А. Л. Шанявскаго сошлись представители всѣхъ партій до гр. В. А. Бобринскаго, включительно, направо. Однако, этотъ думскій триумфъ, при всемъ своемъ моральномъ вѣсѣ, нисколько не служилъ

\*) Стенографическій отчетъ объ этомъ засѣданіи Думы былъ перепечатанъ въ брошюрѣ: «Московскій Городской Народный Университетъ имени А. Л. Шанявскаго. Изданіе Л. И. Тоссъ». Цѣна 25 коп. Складъ изданія—контора журнала «Міръ служащихъ».

гарантией благополучной окончательной развязки. В реакционной прессе Университет А. Л. Шанявского стал мишенью для самых ядовитых стрѣлъ. «Еврейскій университетъ», «гнѣздо польской крамолы въ Москвѣ, сердце Россіи», «оплотъ кадетской пропаганды» и т. п.—таковы были здѣсь ходячіе эпитеты. Несмотря на всю свою внутреннюю ничтожность эти инсинуаціи были важны, какъ симптомъ: характеръ органовъ печати, гдѣ онѣ появлялись, показывалъ, что Университетъ Шанявского вызываетъ къ себѣ непріязнь въ кругахъ, особенно вліятельныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. А между тѣмъ довольно было Государственному Совѣту измѣнить въ «Положеніи» хотя бы одинъ изъ пунктовъ, и обязательная передача вопроса въ Согласительную Коммиссію была равнозначительна потерѣ Народнымъ Университетомъ всего, что завѣщалъ ему А. Л. Шанявскій: о компромиссѣ въ заканчивавшуюся уже сессію не могло быть рѣчи. Для всѣхъ, кто пристально слѣдилъ за этими захватывающими перипетіями, не подлежить сомнѣнію, что если начинаніе А. Л. Шанявского не потерпѣло такой серьезной аваріи, то этимъ дѣло обязано было больше всего несокрушимой энергіи Лидіи Алексѣевны. Не обращая вниманія ни на свои годы, ни на состояніе здоровья, она пріѣхала къ критическому моменту изъ-за-границы въ Петербургъ, и удивительная сила убѣжденія, нѣкогда обратившая гр. И. Д. Делянова въ покровителя высшаго женскаго образованія, не измѣнила ей и на этотъ разъ, когда она взялась поборотъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ гнѣздившіяся тамъ ядовитыя подозрѣнія касательно возможнаго характера будущей дѣятельности Городского Университета. Во всякомъ случаѣ, вопреки тревожнымъ ожиданіямъ, Государственный Совѣтъ, гдѣ выдѣлился своей блестящей рѣчью А. О. Кони, принялъ 18 іюня безъ измѣненій прошедшую черезъ Государственную Думу редакцію законопроекта, а 26 іюня послѣдовало и Высочайшее утвержденіе.

И тутъ, однако, не кончилось еще хожденіе Университета по мытарствамъ. Однимъ изъ измѣненій, внесенныхъ А. Н. Шварцемъ въ первоначальный проектъ университетскаго устава, былъ пунктъ, въ силу котораго предсѣдатель

Попечительнаго Совѣта сталъ утверждаться въ должности министромъ Народнаго Просвѣщенія. Согласно этому 8 іюля Городская Управа препроводила въ министерство ходатайство объ утвержденіи В. К. Ротъ въ должности предсѣдателя Попечительнаго Совѣта. 8 августа министръ отвѣтилъ, что онъ не можетъ утвердить В. К. Ротъ, такъ какъ не признаетъ самаго существованія Попечительнаго Совѣта. Пусть Дума согласно ст. 13 Высочайше утвержденнаго Положенія объ Университетѣ произведетъ выборы 10 членовъ въ Попечительный Совѣтъ и пусть Совѣтъ произведетъ выборы предсѣдателя: только тогда можетъ быть представлено и ходатайство объ утвержденіи. 19 августа Городская Дума постановляетъ: «Не производя новаго заявленія записками кандидатовъ на должность членовъ Попечительнаго Совѣта Народнаго Университета, подвергнуть въ настоящемъ же собраніи баллотировкѣ шарами лицъ, кои уже были избраны Городской Думой на должность членовъ означеннаго Совѣта въ собраніи ея 13 іюня 1906 года». Всѣ эти лица и оказываются избранными снова. 20 августа подъ предсѣдательствомъ Городского Головы состоялось собраніе Попечительнаго Совѣта для выбора предсѣдателя, которымъ снова избирается единогласно В. К. Ротъ. Снова идетъ ходатайство о его утвержденіи въ министерство, и 2 сентября согласіе на это г. министра докладывается Городской Думѣ. На самую организацію преподаванія въ Городскомъ Университетѣ у Попечительнаго Совѣта остался такимъ образомъ изъ трехъ отведенныхъ жертвователемъ лѣтъ ровно одинъ мѣсяць.

«Безумный мѣсяць» — такъ съ полнымъ правомъ могло бы называть этотъ сентябрь 1908 года университетское Правленіе, которое было избрано Совѣтомъ 3 сентября и подъ предсѣдательствомъ Н. В. Давыдова взяло въ руки непосредственныя хлопоты о дѣлѣ\*). Мы говорили выше, какъ скромно вступалъ въ жизнь новый Университетъ: всего 11 преподавателей, менѣе чѣмъ четыре сотни слушателей и полное отсутствіе собственнаго помѣщенія. Но въ тѣхъ

\* В составъ Правленія вошли: Н. В. Давыдовъ (предсѣдатель), Н. И. Астровъ, Н. М. Кулагинъ, А. Н. Реформатскій, Н. В. Сперанскій, В. М. Хвостовъ и, немного позже, П. А. Садыринъ.

условіяхъ, въ какихъ Университетъ организовался, то, что удалось сдѣлать, было блестящимъ результатомъ, котораго нельзя было бы достигнуть, если бы навстрѣчу молодому учрежденію не шла широкая волна общественнаго сочувствія. Отмѣтимъ два особенно характерныхъ симптома. Какъ ни былъ обремененъ занятіями С. А. Муромцевъ, онъ явился первымъ изъ тѣхъ 11 преподавателей, которые въ нѣскольکو дней были приобрѣтены для Университета. Не забываетъ Университетъ до сихъ поръ и о томъ, кто былъ въ немъ «первымъ слушателемъ». Н. А. Шингаревъ—человѣкъ, кончившій раньше два высшихъ учебныхъ заведенія и сдѣлавшій довольно видную служебную карьеру—приложилъ особое стараніе къ тому, чтобы его имя открыло собой списокъ слушателей новаго Университета. «Первый Шанявецъ» не оставлялъ затѣмъ дорогого ему учебнаго заведенія до самой своей смерти, являясь преданнымъ и дѣятельнымъ его другомъ.

Праздникомъ всей московской интеллигенціи было и торжество открытія Городского Университета, состоявшееся 1 октября въ зданіи Думы. Актовую рѣчь на этомъ торжествѣ произнесъ ставшій въ Россіи уже только рѣдкимъ гостемъ прежде московскій, нынѣ оксфордскій проф. П. Г. Виноградовъ.

Такъ наканунѣ роковаго срока, 2 октября 1908 года лекціей А. Э. Фортунатова открылись, наконецъ, занятія въ новой для Россіи свободной высшей школѣ, съ которой имя А. Л. Шанявскаго, вопреки собственной его скромности, рѣшеніемъ общества скрѣпилось на вѣки.

